

На правах рукописи

Рыбина Мария Сергеевна

**«SENILIA. СТИХОТВОРЕНИЯ В ПРОЗЕ»
И.С. ТУРГЕНЕВА И «ГАСПАР ИЗ ТЬМЫ»
А. БЕРТРАНА: ПОЭТИКА ЖАНРА**

Специальности 10.01.01. – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на кафедре русской литературы и фольклора
Государственного образовательного учреждения высшего профессио-
нального образования «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент
Рима Ханифовна Якубова

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Беляева Ирина Анатольевна
Московский городской
педагогический университет
доктор филологических наук, профессор
Пахсарьян Наталья Тиграновна
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Московский педагогический
государственный университет»

Защита состоится «5» мая 2011 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.26 при Московском государственном
университете им. М.В. Ломоносова по адресу: 119992, г. Москва, МГУ,
Ленинские горы, 1-й корпус гуманитарных факультетов, филологический
факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке фило-
логического факультета МГУ.

Текст автореферата размещен на сайте ГОУ ВПО «Московский го-
сударственный университет им. М.В. Ломоносова»:

Автореферат разослан «29» марта 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:

А.Б. Криницын

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Изучение промежуточных жанровых образований, к которым и относят стихотворения в прозе, зачастую становится областью «проверки» теоретических концепций и классификаций, именно здесь перекрещиваются интересы теории и истории литературы. И если само существование лирических миниатюр в прозе не вызывает сомнений, то вопрос о природе этого явления, о его специфике и структурообразующих принципах в окончательном виде до сих пор не решен. Даже обилие синонимов, которые используют исследователи в своих работах («стихотворение в прозе», «прозаическая миниатюра», «лирическая миниатюра в прозе», «лироэпическая миниатюра», «лирическая/поэтическая проза», «лирика в прозе», «лирический / прозаический фрагмент» и т.д.), косвенно свидетельствует о терминологической невнятности вопроса.

В отечественной науке существует несколько основных аспектов изучения «стихотворения в прозе»: в рамках оппозиции «стихи» и «проза» (Б.В. Томашевский, В.М. Жирмунский, Н.И. Балашов, М.Л. Гаспаров, М.И. Шапир, Ю.Б. Орлицкий, В.И. Пинковский и др.), в том числе, с точки зрения ритмической организации текста (Н.И. Балашов, Н.Р. Левина, О.А. Горелова, С.В. Галанинская), лингвостилистический подход (А.М. Пешковский, а также диссертации Е.Ю. Геймбух, Л.А. Пушиной), историко-литературный и теоретический подход (С.Е. Шаталов, Л.Н. Иссова, Ж. Зельдхейи-Деак, И.А. Беляева, О.Б. Першукевич, Т.Б. Трофимова и др.), нарратологический анализ (В.И. Тюпа).

Классическое исследование С. Бернар (1959) надолго определило ракурс изучения «стихотворения в прозе» во французской теории и истории литературы, о чем свидетельствуют работы Д. Комба, Н. Венсен-Мунья, М. Деги, Ф. Бера-Эскье. В 60-70 годы проблема жанра рассматривается в аспекте теории речевых действий и риторики текста (М. Риффатер, Ц. Тодоров, Б. Джонсон, И. Ваде). В современном французском литературоведении активно разрабатывается нарратологический подход к теории жанра (М. Мюра, Л. Бонанфан), а также остается актуальной проблема презентативности↔непрезентативности лирической прозаической миниатюры (Ц. Тодоров, Н. Ванлен).

Отмеченные исследователями признаки «стихотворения в прозе» представляются справедливыми и продуктивными для анализа конкретных историко-литературных явлений, но они акцентируют, на наш взгляд, отдельные свойства: «дуализм», «гибридность», «гетерогенность», «межродовое образование» (С.Е. Шаталов, В.И. Пинковский, Е.Ю. Геймбух, Н. Венсен-Мунья, Д. Комб и др.), «прозиметрию» (Ю.Б. Орлицкий), «переход от наррации к медитации» (В.И. Тюпа), «маргинальность» и «нарушение непрерывности» (М. Милнер), «конфликт речевых кодов» (Б. Джонсон), «жанровую мутацию» (М. Мюра). Закономерно, что в определениях лирической прозаической миниатюры частотным становится указание на различные жанровые стратегии, свойственные текстам.

Актуальность исследования. Несмотря на возрастающий в последние годы интерес к изучению «стихотворения в прозе», жанровый статус этого литературного явления остается по-прежнему дискуссионным. В отечественных и зарубежных исследованиях поэтика лирической прозаической миниатюры рассматривается изолировано, в рамках одной национальной традиции. Представляется продуктивным сравнительно-исторический подход к данному явлению, поскольку он помогает проследить процесс формирования жанрового инварианта, а также разграничить доминантные и факультативные признаки жанра. Системное сопоставление циклов И.С. Тургенева и А. Бертрана, которое позволило бы уточнить характер жанровой рефлексии в период создания «стихотворения в прозе», до сих пор не проводилось.

И.С. Тургенев начинает работать над циклом «Posthuma» (затем «Senilia») в конце 70-х годов, когда произведения французских авторов уже приобретают определенную известность. Поэтому в отличие от ряда исследователей (Ю.Б. Орлицкий, Е.Ю. Геймбух) мы полагаем, что произведение Тургенева содержит следы внутреннего диалога с французской литературной традицией. В этом диалоге отчетливо проявляется национальная специфика и исторические корни стихотворения в прозе как нового жанрового образования.

Цель работы: на материале сопоставления цикла «Senilia. Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева с «Гаспаром из тьмы» А. Бертрана определить доминантные признаки «стихотворения

в прозе» в период формирования жанра во французской и русской литературах.

В связи с поставленной целью предполагается осуществление следующих **задач**:

1. Рассмотреть жанрообразующие принципы стихотворения в прозе в контексте поэтологических теорий конца XVIII–XIX веков.

2. Определить характер литературной рефлексии в циклах А. Бертрана и И.С. Тургенева в аспекте диалога художника с миром культуры.

3. Выделить основные модели субъектно-речевой организации циклов Бертрана и Тургенева и обозначить переход от субъекта действия к лирическому субъекту в нарративе «воспоминания».

4. Проследить механизм жанровых транспозиций (переосмысление и реактуализацию традиционной топики) в стихотворениях в прозе А. Бертрана и И.С. Тургенева.

5. Исследовать особенности и функциональность индивидуального визуального ритма (сегментация текста и типографические знаки) в композиции лирической прозаической миниатюры.

Основным **объектом** исследования стали миниатюры циклов «Gaspard de la Nuit: fantaisies a la maniere de Rembrandt et de Callot» А. Bertrand (65) и «Senilia. Стихотворения в прозе» (83) И.С. Тургенева. В качестве материала для сопоставительного анализа в диссертации использованы баллады сборника «Ballades, legendes et chants populaires de l'Angleterre et l'Ecosse par Walter Scott, Thomas Morre, Chambell et les anciens poetes, publies et precedes d'une introduction par Francois-Adolphe Loeve-Weimars» (1825), ранние редакции и варианты «Гаспара из тьмы» А. Бертрана и «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева. В работе использованы материалы НКРЯ и TLFI.

Предмет исследования – специфика жанровой рефлексии и сравнительная типология циклов «Гаспар из тьмы» А. Бертрана и «Senilia. Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева в период формирования лирической прозаической миниатюры во французской и русской литературах.

Методика и методология исследования. Теоретическую основу диссертации составляют труды отечественных и зару-

бежных литературоведов. Исследования А.М. Пешковского, Ю.М. Лотмана, М.Л. Гаспарова, Б.В. Томашевского, Ю.Б. Орлицкого, М.М. Гиршмана, М.И. Шапира обозначили подход к проблеме соотношения стиха о прозы. В вопросе истории жанра «стихотворения в прозе» во французской литературе мы ориентировались на работы С. Бернар, М. Паран, Н. Венсен-Мунья, Ц. Тодорова, М. Сандра, А. Корба, М. Милнера, Н.И. Балашова, В.И. Пинковского. Изучение жанра стихотворения в прозе в творчестве И.С. Тургенева предполагало обращение к работам Н.Р. Левиной, Л.Н. Иссовой, Ж. Зельдхейи-Деак, И.А. Беляевой, Е.Ю. Геймбух, и др. Анализ исторической поэтики лирического рода литературы определили труды Ю.Н. Тынянова, Л.Я. Гинзбург, В.Э. Вацура, С.Н. Бройтмана, Ю.В. Шатина. Основными **методами**, используемыми в работе, являются сравнительно-исторический и структурно-семантический.

Научная новизна работы состоит в выявлении нового ракурса исследования лирической прозаической миниатюры. Типологическое сопоставление явлений, происходящих во французской и русской литературах в период кристаллизации «стихотворения в прозе», позволяет определить его жанровое «ядро». Выделение системы топосов на примере циклов А. Бертрана и И.С. Тургенева обнаруживает, что оба автора работают не с отдельными текстами, а с жанровым репертуаром лирики в целом. Исследование элегических топосов в структуре лирической прозаической миниатюры позволяет проследить реализацию идиолито-элегических тем в прозаическом тексте и функцию экфрасиса в организации эффекта «остановленного мгновения». Историко-литературная проекция в каждом случае вскрывает историческую и индивидуально-авторскую востребованность синтезируемого жанра.

Теоретическая значимость диссертации. Теоретическое значение исследования состоит в том, что проведенный в нем анализ позволяет проследить процесс формирования жанра стихотворения в прозе в историко-литературном контексте Франции и России XIX века. В работе предпринята попытка определить основные свойства поэтики «стихотворения в прозе» и специфику диалога с литературной традицией в творчестве И.С. Тургенева. Обнаруженные текстуальные параллели позво-

ляют уточнить комментарии к отдельным прозаическим миниатюрам.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке лекционных и практических курсов зарубежной и русской литературы XIX века, в рамках спецкурсов и семинаров по проблемам жанрообразования в литературе XIX века и вопросам анализа литературного текста.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Под стихотворением в прозе мы понимаем прозаический жанр, доминантным свойством которого становится переход от внешнего к внутреннему (интериоризация пространства и времени через пространство), что обуславливает качественное изменение субъекта речи (момент «озарения»), позволяющее обнаружить в «частном» наблюдении проявление универсального закона бытия.

2. Стихотворение в прозе воплощает итоговый «синтез» жанров в творчестве А. Бертра и И.С. Тургенева. Рефлексивность, возврат к себе рассматривается как ведущее свойство текста, который выступает в качестве экспериментальной площадки «интерсемиотического» перевода и актуализирует границы «живописного» и «литературного», лирического и эпико-драматического, «поэтического» и «прозаического».

3. Стихотворение в прозе возникает как реакция на сложившуюся поэтику «большого» стиля (оссианизм, литературная «готика», романтическая элегия и баллада, «прозаизация» жанров в эпоху реализма) и фиксирует устойчивый репертуар мотивов и образов в тот момент, когда их риторическая техника представляется «уходящей натурой», что обуславливает элегическую тональность как в отношении «личных» воспоминаний, так и в восприятии «литературного ландшафта».

4. Авторы стихотворений в прозе ориентируются на уже разработанные в литературе хронотопические модели, что, во-первых, является фактором, определяющим малый объем миниатюры, во-вторых, создает суггестивную образность текста, эстетический эффект которого предполагает наличие «общей памяти», активизирует культурный и ассоциативный опыт читателя.

5. Пространственно-временные модели стихотворений в прозе А. Бертра и И.С. Тургенева тяготеют к топосам, разработанным в жанрах идиллии, романтической элегии и баллады. Элегический хронотоп уединения и странничества составляет основу лирического сюжета циклов и формирует «горизонт ожиданий» читателя.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на Международной научной конференции «Тургенев и Франция» (Москва, 2010), на Международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.С.Тургенева «Тургенев и мировая литература» (Санкт-Петербург, ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, 2008), на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы взаимодействия языка, литературы и фольклора и современная культура» (Уфа, 2011), на региональной научно-практической конференции «Лингвометодические и культурологические проблемы обучения иностранным языкам в поликультурном пространстве» (Уфа, 2007), на Международной научно-практической конференции «Наследие М.Акумлы: взгляд через века» (Уфа, 2006). По теме диссертации опубликовано 14 работ.

Структура диссертации: работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы (195 позиций). Основной текст изложен на 189 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** дается общая характеристика работы, рассматриваются различные концепции жанра «стихотворения в прозе» в отечественных и зарубежных исследованиях, обосновывается актуальность темы, формулируются объект и предмет, цель и задачи диссертации, определяется ее материал и методология, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Формирование (petits) poemes en prose во французской литературе первой половины XIX века: поэтика “кадра” А. Бертра**» решаются три основные задачи: рассматривается историко-литературный контекст стихопрозаических опытов А. Бертра (1807–1841), определяются доминантные признаки лирической прозаической миниатюры и характер жанровой рефлексии в «Гаспаре из тьмы» (1842).

Раздел 1.1 «Предпосылки возникновения жанра стихотворений в прозе во французской литературе конца XVIII – начала XIX веков» дает обзор основных проблем жанровой классификации «поэтической прозы» конца XVIII – начала XIX веков. Рассмотрение истоков лирической прозаической миниатюры во французской литературе второй половины XVIII века демонстрирует взаимосвязь между двумя процессами: утверждение прозы в поэтологических теориях эпохи и появление новой концепции «лирического». Наиболее близким прообразом «стихотворения в прозе» послужил прозаический перевод, а затем его стилизация («Мадегасские песни» Э. Парни, «Индийские песни» Р. де Шатобриана). Перевод и «подражание» вырабатывают модели «сокращения» оригинала. Своеобразие их целевой установки состоит в том, что они предполагают отсылку к прецедентному стихотворному тексту, существующему в рамках другой литературы. Сходный механизм обнаруживается и на материале русской литературы в период, предшествующий появлению цикла «Senilia» И.С. Тургенева.

В разделе 1.2 «Создание жанровой модели стихотворения в прозе в “Гаспаре из тьмы” А. Бертрана» определяются структурные принципы лирической прозаической миниатюры.

Подраздел 1.2.1 «Романтическая баллада как исходная модель “Гаспара из тьмы”» посвящен проблеме генезиса бертрановской миниатюры и специфике жанровых транспозиций в «Гаспаре из тьмы». Сопоставления бертрановских текстов с переводами А.-Ф. Лёве-Веймара дает основания полагать, что французский романтик использовал сборник «Английских и Шотландских баллад» в качестве текста-источника как отдельных миниатюр («Ундина», «Жан де Тий»), так и подразделов цикла («Ночь и ее причуды», «Хроники», «Испания и Италия»). В «стихотворении в прозе» сохраняется общая сюжетная схема романтической баллады (ситуация «встречи», драматический диалог, мотив посулов и угроз), но при этом происходит ряд структурных смещений, повлекших за собой создание новой **модели текста**. Таким образом, определение роли балладного сценария в формировании лирической прозаической миниатюры позволяет обнаружить «реликты» данного жанра в «стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева.

Подраздел 1.2.2 «Создание “новой прозы” и авторская рефлексия в двух вариантах Предисловия: имплицитная концепция жанра “фантазий”» посвящен проблеме жанрового своеобразия второй редакции «Гаспара из тьмы» (1835-1836). Сопоставительный анализ двух предисловий к циклу позволяет уточнить авторскую стратегию: отказ от нарратива в прозаическом тексте. Эта тенденция проявляется в разложении «истории» на серию кадров, изолированность которых достигается за счёт циклической рекурсивности и четкого маркирования границ, в том числе и с помощью пунктуации.

Во второй редакции смещение и отрицание жанровых границ (отход от «новеллистической» прозы, отсутствие указаний на перевод-«подражание», непривычная сегментация прозаического текста) сочетается с восстановлением традиционной, прежде всего для стихотворных жанров, топики («дева-роза», «готические» руины, «песнь ундины», «книга судьбы», обращение к «героическому прошлому») и активным использованием риторических фигур (антитеза, хрия, хиазм, различные виды градаций). Данная стратегия видовых транспозиций представляется универсальным качеством «стихотворения в прозе» в период кристаллизации жанра, поскольку аналогичные примеры мы обнаруживаем и в цикле И.С. Тургенева.

Изучение композиционных моделей (**подраздел 1.2.3 «Композиционные приемы создания “новой прозы”: визуальный ритм “Гаспара из тьмы” А. Бертрана»**) позволяет прояснить механизм жанровой трансформации. Исследователи справедливо указывают на ограниченное число текстовых моделей цикла, в которых преобладают рамочные структуры, обычно усиленные тематическим параллелизмом первого и последнего абзацев (С. Бернар, Н. Венсен-Мунья, М. Милнер, Ф. Бера-Эске). Регулярность построения миниатюр позволяет нам сделать вывод о стремлении автора к унификации текстов, наделенных различными жанровым потенциалом. Данная установка реализуется в создании единого визуального ритма. Дизъюнкция, являющаяся основной стратегией фразы в границах абзац-строфы (далее АС), уравнивается единством точки зрения субъекта восприятия. Визуальный ритм бертрановского текста позволяет акцентировать переход от рассказа к рефлексии по

поводу литературных моделей жанров-источников «неистового романтизма».

В разделе 1.3 «Топика стихотворений в прозе А. Бертра» анализ традиционных формул, воспринятых лирической прозаической миниатюрой, выстроен в соответствии с жанрово-тематическим принципом.

Подраздел 1.3.1 «Жанр экфрасиса и аллюзии на сюжеты изобразительного искусства в “Гаспаре из тьмы”» раскрывает значение живописных аллюзий в организации визуального пространства бертрановских миниатюр. Упоминание двух известных мастеров офорта в заглавии произведения задает проекцию на восприятие последующих «книг» как экфрасисов, заставляя напрямую соотносить «Фламандскую школу» с живописью П. Рембрандта, а «Старый Париж» – с офортами Ж. Калло. Литературные произведения, ориентированные на изобразительный сюжет или арт-объект, неизбежно приобретают функцию текста-загадки, запускают механизм порождения ассоциаций и активизируют культурную память читателя. Именно эта «вторичность» (способность вызывать визуальные образы, не используя при этом детальные описания, а отсылая к прецеденту) запускает механизм «припоминания» и работает на создание лирической эмоции. Суггестивность текста, «намекающее» слово выделяются нами как основная рецептивная стратегия прозаической миниатюры Бертра.

На примере миниатюр «Моя хижина», «Прокаженные», «Октябрь», «Шевреморт», «Еще одна весна» рассматривается типология пространственно-временных моделей «стихотворения в прозе» («идеальный ландшафт», «элегический пейзаж») и сопутствующих им мотивов «героического прошлого», «мимолетности времени», обращение к «мертвой возлюбленной» (подраздел 1.3.2. «“Идеальный ландшафт” и элегический хроно- топ в “Гаспаре из тьмы” А. Бертра»). Персонажи миниатюр связаны во французской культуре с идиллически-пасторальной традицией (савояры, маленькие угольщики, фламандцы). Бер- тран обращается к пространственной модели идиллии, воспроизводит ее базовые компоненты (сад, хижина, ручей, роща). Но лирический герой его миниатюр отделен от «идеального» ландшафта временной дистанцией (мир мечты, ментальное пространство воспоминания). Характерно постепенное сужение ви-

зуального мира, стремление ограничить его рамками кадра и последующий переход от окна-«картины» к книге с иллюстрациями (движение от «природного» ландшафта к артефакту).

Особый интерес А. Бертра к топосам идиллии, элегии и баллады обусловлен, на наш взгляд, несколькими факторами. Во-первых, это – жанры, репрезентированные стиховой формой, но достаточно свободные в отношении структурных признаков (размер, тип строфической организации и рифмовки). Однако их формально-содержательные элементы: хроно- топ, мотивы, лири- ческий субъект – остаются узнаваемыми и при «переводе» в прозаическую речь. Доминирование именно этих сценариев в период формирования «стихотворения в прозе» представляется неслучайным, что будет нами рассмотрено на примере тургенев- ского цикла. Топика служит катализатором лирической эмоции и создает условия для оформления лирической ситуации. Во- вторых, в сознании современников Бертра идиллия, элегия и баллада имели визуальные аналоги (иллюстрации в романтиче- ских альманахах, жанровые пасторальные «картинки», мемори- альная скульптура). Данная установка на визуализацию образов- воспоминаний работает на создание элегической тональности «Гаспара из тьмы».

В разделе 1.4 «Ранние редакции прозаических миниатюр и поэтика «остановленного мгновения» в “Гаспаре из тьмы”» рассматриваются парные тексты «Прачки» и «Жан де Тий», два варианта миниатюры «Октябрь», «Походная фляга и флажолет» и «Колдовской наигрыш Жеана из Витто», позволяющие уточнить изменения, внесенные автором в первоначальный текст, и классифицировать субъектную организацию лирической прозаической миниатюры.

Французские исследователи (Н. Венсен-Мунья, Л. Бонан- фан) отмечают объективность письма и отсутствие выраженного лирического «я» в большинстве миниатюр цикла, что, на наш взгляд, не вполне точно определяет природу субъектной органи- зации «Гаспара из тьмы». Во-первых, лирический субъект про- являет себя в миниатюрах, находящихся в «сильной позиции» цикла: вступление, начальное и финальное «стихотворения в прозе», «обрамление» центральной «книги». Во-вторых, дискурс основного субъекта речи и реплики «персонажей» различаются стилистически и имеют разный статус. Последние выступают в

орнаментальной функции, «чужое» слово вырвано из контекста и представлено как изолированная «случайная» реплика, прежде всего «звучащее» слово. Вызываемый ею эффект «диссонанса» гармонируется на уровне композиции риторическими конструкциями: анафорами, эпифорами, антитезами. Чем большее пространство текста занимает речь «героя», тем явственнее она приближается к доминирующей стилиевой манере.

III. Сент-Бёв увидел в миниатюрах А. Бертрана «баллады в прозе», которые, по его мнению, должны были привести автора к созданию «большого исторического романа» в духе В. Скотта. Однако дижонский романтик изобрел совершенно иное. Его «фантазии» утрачивают связь с повествовательными жанрами, т.е. нарративную стратегию прозы. Стихотворения в прозе «Гаспара из тьмы» не являются «призраками романа», как полагает, например, М. Мюра, а «иллюстрациями» основных жанров эпохи («исторический анекдот», «драматическая сцена», «баллада о благородном разбойнике»). Еще сильнее нарушается логика развертывания в серии «картин», для соединения которых используются не причинно-следственные связи, а соположение, основанное на синтаксическом параллелизме. С другой стороны, проза Бертрана дистанцируется от фрагмента с помощью четко маркированных границ текста. Итак, текст Бертрана иллюстрирует движение от стихов к прозе: Бертран создает подчеркнуто сегментированный и структурированный вариант прозаической миниатюры. Позднее авторы, в том числе и И.С. Тургенев, отказываются от подобного принудительного членения абзацев. Сравнение с «Гаспаром из тьмы» позволяет отчетливее определить движение тургеневского текста от крупных и средних повествовательных форм к миниатюре: сокращение повествовательной фабулы до размеров миниатюры, аллюзии на известные сюжеты и «классические» романские ситуации.

«Классификационный» принцип Бертрана проявляется и в организации цикла по «жанрам»: тексты-экфрасисы («жанровые картинки»), «фантастические» романтические баллады, «хроники», «идиллические» и «элегические» миниатюры. Субъект восприятия эволюционирует в рамках цикла от «созерцателя» картин фламандской школы и гравюр старого Парижа к философичным миниатюрам последней книги (кн. 6, 46–52), в которых лирическое «я» проявляет себя активнее.

Миниатюры «Гаспара из тьмы» в силу эксплицитности формальных признаков стали объектом имитаций (А. Уссе, Л. Кладель, А. Мюрже, бр. Гонкуры). Симптоматично, что, называя (не без иронии) своим предшественником А. Бертрана, Ш. Бодлер констатирует отход от текстуальной модели «Гаспара из тьмы». Однако сам факт преодоления свидетельствует о том, что текст Бертрана воспринимается в качестве исходной точки, с которой соотносят собственное творчество последующие авторы «стихотворений в прозе».

Во второй главе «Синтез жанров в творчестве И.С. Тургенева: поэтика «остановленного мгновения» в “*Senilia*. Стихотворения в прозе”» мы рассматриваем следующие вопросы: истоки лирической прозаической миниатюры в русской литературе и творчестве И.С. Тургенева, своеобразие жанрового диалога, особенности субъектной организации и формы перехода от наррации к медитации в тургеневском цикле.

Классификация прототипических форм «стихотворения в прозе» дается на основании работ М.Л. Гаспарова, М.М. Гиршмана, Ю.Б. Орлицкого, посвященных исследованию оппозиции стиха и прозы (раздел 2.1 «Истоки жанра “стихотворения в прозе” в русской литературе конца XVIII – начала XIX веков»). Спектр переходных форм (прозаический перевод, псевдоперевод, журнальная «литературная смесь») позволяет установить, что интерес к «стихопрозе» возникает в русской литературе приблизительно в тот же период, что и во Франции (последняя треть XVIII – начало XIX веков). Это свидетельствует, с одной стороны, о типологически сходной ситуации: доминантное положение стиха в культурной парадигме, представление об особом статусе поэтического языка и всё более жесткая регламентация стихотворной речи вызывают стремление к либерализации «поэтического творчества», к утверждению нетождественности лирического и стихотворного. С другой стороны, это сходство обусловлено ориентацией русской культуры преимущественно на французскую модель в целом, в том числе и в качестве предпочтительного посредника иноязычной литературы (как известно, античных, английских и нередко восточных поэтов на рубеже XVIII – XIX веков читали, в основном, во французских прозаических переводах).

Исходя из типологической общности явлений, можно констатировать определенную близость «ситуаций» Бертрана и Тургенева как инициаторов нового жанрового образования, с одним существенным, как нам представляется, отличием: в случае русского писателя текстуальные модели лирической прозаической миниатюры уже существуют в рамках иной литературы. Описанию литературно-биографического контекста цикла посвящен **раздел 2.2 «Стихопрозаические опыты в творчестве И.С. Тургенева и синтез жанров в “Стихотворениях в прозе”»**. Здесь отмечается, что отсутствие прямых свидетельств знакомства И.С. Тургенева с текстом «Гаспара из тьмы» не исключает сам факт «диалога» с бертрановской моделью прозаической миниатюры. Французская модель прозаической миниатюры представляется предметом переосмысления и отталкивания. «Молчание» может выступать в данном случае формой скрытой полемики, имплицированной в сам литературный текст.

Первоначальное заглавие цикла «Posthuma» имеет, на наш взгляд, одну неотмеченную исследователями проекцию: первые образцы, прежде всего «Гаспар из тьмы» А. Бертрана и «Парижский сплин» Ш. Бодлера, вышли после смерти авторов, что на тот момент определило восприятие циклов «*roemes en prose*» как посмертных произведений.

Раздел 2.3 «Топика “Стихотворений в прозе” И.С. Тургенева» посвящен анализу пространственно-временных моделей и традиционных формул. В качестве проводника литературных и культурных кодов в цикле «*Senilia*» используются определенные топосы.

Приемы жанровой транспозиции исследуются в **подразделе 2.3.1 («Балладный» сюжет)**. Событие встречи с персонажем «иног» мира организует сюжет стихотворений в прозе Тургенева: «Старуха», «Встреча», «Соперник», «Посещение», «Насекомое», «Я встал ночью...» «Когда я один...» (Двойник). Лирическая прозаическая миниатюра не имеет развернутой пространственно-временной структуры, напротив, используется достаточно ограниченный набор моделей, через которые реализуется ситуация «встречи» и «перехода» (хронотоп «дороги», локусы «окна» и «порога»).

Как показывают результаты исследования, балладный сюжет «вторжения» намечен в «стихотворении в прозе» пунктирно,

преобразован в лирический, но сохранены основные моменты, указывающие на балладный контекст (ситуация «встречи» с призраком, голос-призыв, могила). Балладная ситуация выступает катализатором лирической эмоции, задает параметры для реализации метафоры «призрак минувшего», тем самым, осуществляя перевод «частного мгновения» бытия во вневременную, «поэтическую» сферу. Сопоставление миниатюры Тургенева «Фантазия» с текстами В.А. Жуковского, А.А. Дельвига, Ф.Н. Глинки демонстрирует, что «стихотворение в прозе» ориентируется не на определенный текст-источник, а на тоpos фантазии, сложившийся в лирике 1810-1830-х годов. Миниатюра призвана напомнить о поэтической традиции и реактуализировать поэтологический миф (особое благоволение богини фантазии к поэтам).

В подразделе 2.3.2 «Идиллический хронотоп» выявлены и определены функции топосов «идеального ландшафта», «острова блаженных», «хижины», в частности, в переосмыслении романтической антитезы мира Горы и мира Долины, которая реализуется в миниатюрах «Разговор», «У-а, у-а». Анализ показал, что в «стихотворении в прозе» ослабевает функциональность топографических деталей как места действия, но происходит символизация пространства. Хронотоп становится знаком литературной и, шире, культурной традиции: «античной» («Нимфы»), идиллически-пасторальной («Деревня», «Лазурное царство»), романтической («Разговор», «Уа-уа»).

Элегическая модель как жанр-источник лирической прозаической миниатюры рассматривается в подразделе **2.3.3 «Элегические топосы»**. Элегический модус определяет содержание и тональность миниатюр, принадлежность которых к лирическим текстам не вызывает сомнений («Собака», «Роза», «Нимфы», «Голуби», «Как хороши, как свежи были розы...», «Стой!», «Дрозд I», «О моя молодость! О моя свежесть!», «Когда меня не будет...»). Основной тематический комплекс и топика переходят в «стихотворения в прозе» из жанра элегии, расцвет которой в русской литературе приходится на 1800–1820-е годы. Доминантной моделью тургеневского цикла становится элегический «пейзаж души». Традиционные идиллично-элегические мотивы и образы («сельский пейзаж», «острова блаженных», «элизиум любовников», «дева-роза», «безбрежный океан», «мертвое бремя») выполняют, как мы думаем, функцию, аналогичную «се-

мантическому ореолу метра» (М.Л. Гаспаров), и запускают механизм культурной памяти. Возникающая у читателя эмоция воспоминания придает тексту лирическое звучание (рассказ о событии трансформируется в заклинание Времени) и создает условия для перехода от нарратива к медитации.

Интерсемиотический диалог между живописью и литературным текстом мы исследуем на примере миниатюр «Череп», «Два брата», «Сфинкс», «Necessitas, vis, libertas» (**подраздел 2.3.4 Тексты-экфрасисы**) Эффект «остановленного мгновения» обуславливает перевод изобразительного сюжета в литературный текст. Важным конструктивным приемом становится «внутренняя» точка зрения. Основной субъект речи транслирует впечатление, которое читатель наполняет собственным визуальным опытом. Отсылка к «смутно-знакомым» образам включает механизм персонализации впечатления. Переход экфрасиса в аллегорию происходит в миниатюре «Сфинкс». Сделанные наблюдения позволяют прийти к выводу, что сходство композиционных приемов, в частности, повторяющиеся сюжетные ситуации, создают эффект внутренней «рифмовки».

Являясь стилизацией различных жанров (притчи, легенды, аллегории), стихотворение в прозе заимствует характерные для них топосы, но подчиняет их собственной модели. Подобный «перевод» проанализирован на примере пространственно-временной организации миниатюры «Восточная легенда» (**подраздел 2.3.5 Притча, восточная легенда и аполог**).

Исследование «стихотворений в прозе» показало, что наиболее часто И.С. Тургенев обращается к топике поэзии первой половины XIX века и создает жанровые модификации литературной баллады, элегии, идиллии, аполога, восточной легенды, аллегории. Утрачивая актуальность для лирики середины XIX века, жанровые топосы и риторические клише переходят в прозу, в частности, в качестве локальных форм организации пространственно-временных отношений (идиллический хронотоп, элегический пейзаж, топос горы и т.п.). Так элегический пейзаж обнаруживается во многих повестях и романах Тургенева (финал «Дворянского гнезда», родители на могиле сына в «Отцах и детях», сочетание идиллического и элегического хронотопа в «Вешних водах»). В жанре стихотворения в прозе они вновь обретают автономность от нарратива, их реактуализация достига-

ется как обновлением дискурса, так и за счет приема реализации традиционных метафор.

Раздел 2.4 «Поэтика “остановленного мгновения” в “Стихотворениях в прозе” И.С. Тургенева» посвящен анализу субъектно-речевой организации миниатюр «Собака», «Конец света (сон)», «Нимфы», «Природа», «Повесить его!», «Что я буду думать?», «Стой!», «Кубок» <II>. Композиционное строение текста, его дискретность ослабляет линейное развертывание «истории», что в свою очередь приводит к изменению функции «первичного нарратора», которая не сводится, на наш взгляд, к вводу «основного» рассказчика, а устанавливает тесные связи с соседними миниатюрами. Между стихотворениями в прозе возникает большая интерференция мотивов и коннотативных значений, границы отдельных миниатюр более проницаемы, чем в прозаическом цикле, например, в «Записках охотника». Данное качество обусловлено наличием новой дискурсивной инстанции в субъектной организации «Senilia»: лирический субъект проявляет себя в *лиминальном сюжете цикла*. Термин «ментальный сюжет», который применяет Е.Ю. Геймбук, требует, как нам кажется, уточнения, поскольку он не определяет такие признаки сюжета, как «переходность», «нахождение в промежутке».

Пребывание лирического субъекта в «пограничной зоне», «промежуточном состоянии» (в миниатюрах цикла она часто репрезентирована «предрассветными сумерками», темпоральными смещениями, ситуацией «порога») представляет отдельные миниатюры как «неполный» опыт, обуславливает «ревизию» наличных жанровых форм литературы. Очевиден интерес «стихотворения в прозе» к тем жанровым моделям, в которых актуализируется сам процесс перехода, преодоления границы («аллегория», «баллада», «элегия», «экфрасис»).

Событие в стихотворении в прозе возникает в плане воспоминания, видения, медитации, но в фокусе изображения оказывается не столько само событие (казус), сколько процесс рефлексивного воспоминания лирического субъекта. Фиксация неповторимо-личного фрагмента бытия реализуется в пространстве памяти (личное) и в пространстве культуры (точка пересечения индивидуального и всеобщего). Первое предстает в стихотворениях в прозе как изолированные друг от друга кадры воспоминаний. Второе проявляет себя в узнаваемых формулах ис-

кусства, причем прозаическая миниатюра тяготеет к пограничным областям, к точке интерсемиотического «диалога» (прежде всего, литература – изобразительное искусство). Установка на визуальное восприятие в сочетании со стремлением запечатлеть «уходящую натуру» приводит к закономерному появлению экфрасисов (мотив «обращения в статую», барельефы и картины, аллюзии к известным живописным сюжетам).

Образы стихотворений в прозе ограничены рамками миниатюры-«картины», лишены психологического развертывания, предстают «готовыми» образами. Элегический модус определяет тональность цикла «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева. Гармонизация различных жанровых потенциалов достигается единством лирического субъекта и стилистической манеры, которая отличает диалог с жанровыми формами в «Стихотворениях в прозе» от стилизаций рубежа веков и последующей литературы: варьирование жанровых форм не переходит в «игру со стилями» и «чужим» словом.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационной работы. Определяется доминантный признак «стихотворения в прозе»: отсылка к прецедентному тексту, создание образа жанра-источника.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод, что точки пересечения циклов А. Бертрана и И.С. Тургенева обусловлены несколькими факторами. Во-первых, их объединяет статус «первооткрывателей» и необходимость выбора жанровой стратегии. Во-вторых, ориентация на культурные коды, восходящие к одним литературным источникам (элегический герой шиллерианского типа, фаустовская ситуация «остановленного мгновения», топос «идеального ландшафта» и т.д.), определяет типологическое сходство на уровне мотивно-образной системы.

Исходя из концепции жанра как формально-содержательного единства, одним из проявлений которого становится способ моделирования художественного мира, мы видим своеобразие «стихотворения в прозе» в том, что оно апеллирует к «внеэстетической действительности» через тексты-медиаторы. Специфика художественной условности здесь напрямую связана с «автономной» концепцией литературы, которая начинает формироваться в эпоху романтизма.

Данное свойство лирической миниатюры определяет интерес авторов к тем жанровым моделям, которые актуализируют представление о границе («уединенность» гармонического мира в идиллии, временная дистанция в элегии, граница между условно-реальным и фантастическим в балладе, между субъектом восприятия и изображенным миром в экфрасисе).

Лирическая прозаическая миниатюра XIX века репрезентирует новый тип сочетания лиризма (субъективные «личные» переживания героя предстают как эстетически значимые) с традицией философской прозы (афоризм, максима, сентенция, аллегория), рассматривающей единичное в категории всеобщего. При этом само соотношение компонентов может варьироваться в рамках индивидуальной авторской системы и по-разному проявляться в текстах отдельных миниатюр.

Сущностное отличие французской и русской моделей «стихотворения в прозе» видится в том, что они выражают разное отношение к внеэстетической действительности. Бертран стремится реализовать «автономные» задачи литературного текста, что представляется созвучным эстетическим установкам, реализованным позднее в творчестве парнасцев (поиски литературного эквивалента пластического образа, стремление к точному слову, отсутствие формальной выраженности субъекта восприятия). Подобное применение жанра вполне могло показаться русскому писателю «легковесным». В цикле Тургенева в качестве поэзии предстает медитативная проза, что в целом соответствует культурной модели русской литературно-философской мысли. Поиски «формулы искусства» дополняются стремлением обнаружить «формулу жизни». Данная интенциональная установка обуславливает эксплицитность оценок, генерализирующую функцию «личного» опыта и дидактизм, характерные для цикла И.С. Тургенева.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Рыбина, М.С. «Идиллический» хронотоп в цикле И.С.Тургенева «*Senilia*» / М.С. Рыбина // Вестник Поморского университета. 2008. №13. С. 230–235. (издание, рекомендованное ВАК). 0,5 п.л.

2. Рыбина, М.С. Трансформация нарративных элементов в стихотворениях в прозе А. Бертрана и И.С. Тургенева / М.С. Рыбина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 3 (7). С. 40–45 (издание, рекомендованное ВАК). 0,5 п.л.

3. Рыбина, М.С. Элегический сценарий в «стихотворениях в прозе» (на примере циклов А. Бертрана и И.С. Тургенева) / М.С. Рыбина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2011. № 1. С. 54–60. (издание, рекомендованное ВАК). 0,5 п.л.

4. Рыбина, М.С. Поэтика «остановленного мгновения» в «Гаспаре из тьмы» А. Бертрана и в «Стихотворениях в прозе» Тургенева / М.С. Рыбина // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. М.; СПб., 2011. С. 62–68.

5. Рыбина, М.С. «Стихотворения в прозе» Ш. Бодлера и И.С. Тургенева как лирические циклы / М.С. Рыбина // Актуальные проблемы филологии: Материалы научно-практической конференции (7 мая 1997). Уфа, 1997. С. 17–20.

6. Рыбина, М.С. Тема смерти и ее роль в лирическом цикле «Senilia» И.С. Тургенева / М.С. Рыбина // Образование, язык, культура на рубеже XX–XXI веков: Материалы международной научной конференции (22–25 сентября 1998). Ч.3. Уфа, 1998. С. 175–177.

7. Рыбина, М.С. Пушкинское отражение в стихотворении в прозе И.С. Тургенева «Услышишь суд глупца» / М.С. Рыбина // Материалы научно-практической конференции «Пушкин и современность». Уфа, 1999. С. 66–69.

8. Рыбина, М.С. «Гаспар из тьмы» А. Бертрана и низшая мифология / М.С. Рыбина // Фольклор народов России: Фольклор и фольклорно-литературные взаимосвязи: Межвузовский научный сборник. Уфа, 2000. С. 163–173.

9. Рыбина, М.С. Символика «бури» и ее функции в организации цикла «Senilia» И.С. Тургенева / М.С. Рыбина // Информатизация учебного процесса и ее влияние на повышение качества образования: Материалы российской научно-практической конференции (февраль–апрель 2006г.). Ч.1. Уфа, 2006. С. 90–92.

10. Рыбина, М.С. Псевдопереводы и их роль в формировании жанра «стихотворения в прозе» / М.С. Рыбина // Информатизация

учебного процесса и ее влияние на повышение качества образования: Материалы российской научно-практической конференции (февраль–апрель 2004г.). Ч.1. Уфа, 2004. С. 89–91.

11. Рыбина, М.С. Композиционная структура «Гаспара из тьмы» А. Бертрана / М.С. Рыбина // Наследие М. Акмуллы: взгляд через века: Материалы Международной научно-практической конференции 14–15 декабря. Уфа, 2006. Ч.2. С. 81–85.

12. Рыбина, М.С. Предпосылки возникновения жанра стихотворений в прозе во французской литературе конца XVIII – начала XIX веков / М.С. Рыбина // Лингвометодические и культурологические проблемы обучения иностранным языкам в поликультурном пространстве: материалы региональной научно-практической конференции 27.11.2007г. Уфа, 2007. С. 137–141.

13. Рыбина, М.С. «Поэтика “остановленного мгновения” в «Гаспаре из тьмы» А. Бертрана и в «Стихотворениях в прозе» И.С. Тургенева» / М.С. Рыбина // Материалы международной научной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И.С. Тургенева «Тургенев и мировая литература». ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН 17–19 сентября 2008г. СПб., 2008. С. 38–40.

14. Рыбина, М.С. Балладный сюжет как способ оформления снов в «Senilia. Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева / М.С. Рыбина // Проблемы взаимодействия языка, литературы и фольклора и современная культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию Л.Г. Баррага. Уфа, 2011. С. 223–229.